

ИССЛЕДОВАНИЯ
RESEARCHES

УДК 271

DOI: 10.18413/2408-932X-2018-4-2-0-1

Маркович Д. С.

ЛЕСНИНСКИЕ СЕСТРЫ И ИХ ДУХОВНАЯ РАБОТА
В СЕРБИИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Философский факультет Нишского государственного университета,
ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Республика Сербия;
dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Аннотация. Октябрьская революция в России обусловила тяжелое положение в Русской Православной Церкви, и многие русские священнослужители эмигрировали в тогдашнее Королевство сербов, хорватов и словенцев (1918–1929). Принявшие Сербию как свой второй дом, русские взяли на себя активную роль, помимо прочего, в учреждении монастырей и обновлении духовной и культурной жизни сербов. Русские священнослужители, перебравшись в сербские края, оставили огромный вклад в сербской культурной и духовной жизни. Нет однозначных и точных сведений об общем их количестве, так как многие из них оказались в Сербии транзитом и не регистрировали свое пребывание в государственных органах. Их распределяли в различные епархии Сербской православной церкви, без какого-либо централизованного учета.

В это время традиция женских монастырей в Сербии угасала из-за очень тяжелых условий для их деятельности под турецким игом. В составе волны русской эмиграции 1920-ых годов особое место занимают 80 сестер Леснинского Богородичного монастыря во главе с игуменьей Екатериной, которые с разрешения СПЦ поселились в монастыре Хопово на Фрушской горе. Это сестричество оставило огромный след в развитии сербского монашества, подняло духовность на новый уровень, обновило запустелые монастыри периода турецкой оккупации и дало глоток новой жизни полуугасшему сербскому женскому монашеству. Благодаря им появились другие женские монастыри, сербско-русские или только русские, в которых игуменьями были поставлены воспитанницы матушки Екатерины. Таким образом, она стала родоначальницей современного сербского женского монашества.

Ключевые слова: сербское женское монашество; Леснинский монастырь; русская духовная эмиграция; игуменья Екатерина; монастырь Хопово.

D. S. Markovich

**SISTERHOOD OF THE LESNA CONVENT AND THEIR
SPIRITUAL WORK IN SERBIA IN THE BEGINNING
OF THE 20th CENTURY**

University of Nis, Faculty of Philosophy in Nis, 2 Cyril and Methodius St., 18000, Nis, Serbia;
dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

Abstract. The October Revolution in Russia led to a difficult situation in the Russian Orthodox Church and caused many Russians to emigrate to the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (1918-1929). By accepting Serbia as its second homeland, Russians participated, among other things, in the foundation of monasteries and restoration of entire spiritual and cultural life of Serbs. The Russian clergy who fled to the Kingdom of SHS have left an indelible mark on Serbian spiritual life and culture. There is no precise data on the total number of these clergy, since many of them came to Serbia only in transit, and did not have to apply to the state authorities for service. They were placed under the authority of the Serbian Orthodox Church in a number of eparchies, without keeping centralized record of their tenure.

The tradition of convents in the region was slowly extinguishing at that time, due to very difficult conditions for such activity under Turkish rule. In a wave of Russian emigration from 1920's, 80 nuns from the Lesna Convent of the Most-Holy Mother of God are standing out, led by hegumena Yekaterina. With the permission of the Serbian Orthodox Church, they settle the monastery Hopovo in Fruska Gora. They leave an indelible mark in the development and direction of Serbian monasticism, raise spirituality and life in general, restore abandoned monasteries from the period of slavery under the Turks, and give new life to the declining Serbian female monasticism. Thanks to their effort, other Serbo-Russian or only Russian convents start to appear, where pupils of mother Yekaterina were appointed hegumenias. Therefore, she became the founder of modern Serbian female monasticism.

Keywords: Serbian female monasticism; Lesna Convent of the Most-Holy Mother of God; nun sisterhood; hegumena Yekaterina; Hopovo.

Задущбина (т.е. за душу) – в Сербии издавна так называют храм или монастырь, выстроенный кем-либо из благочестивых христиан *за душу*, то есть во спасение души. Однако святитель Николай Велимирович дал более широкое толкование этому понятию: добрые дела, которые каждый по силам может совершать ради ближнего, не менее ценны в глазах Божиих и тоже могут быть отнесены к *задущбинам*. Сербские правители в Средние века строили задущбины, возводили церкви и монастыри, в которых монахи и отшельники молились о спасении их души, всего народа и сербского государства. Эти монастыри были центрами сербской средневековой культуры. Рядом с ними супруги сербских вель-

мож и последних сербских правителей основывали с такой же целью женские монастыри.

После порабощения сербского государства, во время турецкой оккупации, исчезли все женские православные монастыри. В Воеводине последним был монастырь Старый Язак, закрытый в 1774 году. В Сербии и Сербской православной церкви традиция деятельности женских монастырей была подорвана тяжелейшими историческими событиями периода владычества Османской империи, и непосредственно после Первой мировой войны также не было никаких возможностей для обновления женского монашества. Но в Королевской Югославии после Первой мировой войны наби-

рало силу богомольческое движение, в котором проявлялось духовное преображение сербского народа. Такое богомольческое движение возникло само по себе, по внутреннему волеизъявлению простого народа в качестве противовеса марксистскому атеизму и вульгарному материализму, как желание духовного очищения и обновления и как форма всенародного покаяния. С огромным миссионерским вдохновением небольшая группа богомольцев ходила в народ с проповедью Христовой науки во имя спасения. Во многих сербских деревнях и городах появились общества богомольцев. Они собирались около церквей и монастырей.

Само название движения богомольцы взяли из Евангелия от Иоанна, «Но настает время, и настало уже, когда истинные (в русском переводе – *поклонники*, в сербском – *богомольцы*) будут поклоняться Отцу в духе и истине, ибо таких ... Отец ищет Себе» [3, 23]. Плодотворной почвой для деятельности русского духовенства в Сербии в эти тяжелые для православной веры времена и явилось это сербское народное спонтанное богомольческое движение, из которого постепенно формировался сербский монашеский корпус, который усваивал общезначительные монашеские традиции, в том числе исихазм, старчество и монашескую богослужебную практику.

В самом начале это народное явление смутило владык и священство Сербской православной церкви. Оно думало, что имеет дело с фанатиками. Но, по предложению Святого Архиерейского Собора, духовное руководство этим стихийным народным порывом взял на себя владыка Николай Велимирович (Николай Сербский) [см.: 16]. Можно сказать, что владыка был неофициальным патриархом Сербской Православной Церкви, такую его слова имели силу в народе. Когда в 30-х годах XX в. Милан Стоядинович со своим правительством подписывал позорный конкордат королевства Югославии с Ватиканом, Владыка Николай поднял всю Сербию. В истории Сербии это событие осталось как

конкордатская борьба, борьба против подписания договора (конкордата), который давал бы право католикам вести прозелитическую деятельность и экспансию против Сербской Церкви и сербской государственности. Сербское священство и православный народ поэтому и противостояли подписанию конкордата. В июле 1937 г. был организован Крестный ход через Белград, который в народе запомнился как *кровавая лития*. Тогдашний министр полиции, католический поп Корошец, натравил жандармов (полицейских), в основном словенцев и хорватов, на мирный Крестный ход в Белграде 19 июля 1937 года. Участники Крестного хода, богомольцы, миряне, епископы и священники, получили тяжелые травмы и ранения. Однако конкордат так и не был подписан. В этом велика была заслуга Владыки Николая и богомольцев.

Как мы видим, Николай Велимирович был выдающейся личностью Сербской Православной Церкви в тот самый период, который охватывает тема статьи, а еще одним значимым деятелем этого движения был преподобный Иустин Попович. Они оба питали горячую любовь к русскому народу, некоторое время провели в России и имели тесные связи с русским духовенством и народом.

Точным названием Богомольческого движения было «Православное народное христианское сообщество», и начало ему было положено еще во время Первой мировой войны, когда ужасы этого времени обратили многих людей к Богу и Церкви. Сербская народная пословица гласит: «Без неволе нема богомолье» (рус.: «Без неволи нет богомолья»). У сербов возникла нужда в покаянии, укрепилась потребность в очищении от греха, злых пристрастий и пороков. Народ, воодушевленный Христом и любовью Христовой, пошел в церковь на покаяние, молитву, исповедь, с целью облагородить свои души. Целые семьи уходили в монастыри. Богомольцы были кроткими и смиренными, помогали сиротам, посещали больных, шли помогать в сельских работах немощным старикам и вдовам погибших

солдат, вместе пели и молились. Стоит упомянуть, что вплоть до начала Второй мировой войны богомольческое движение нарастало и перед войной состояло уже из 900 братств, включавших 150000 активных членов. Оно дало Сербской церкви монахов, которые вдохнули жизнь в опустевшие монастыри. Из года в год проводились соборы богомольцев, на которых владыка Николай бывал самым дорогим гостем. О богомольческом движении владыка Николай написал книгу «Диван», которая переведена на русский язык под названием «Наука чудес»¹. Название эта книга получила по монастырю Дивостин, в котором проводились богомольческие соборы, а это слово созвучно сербскому слову со значением «удивительный, прекрасный».

Приведем один фрагмент проповеди Владыки Николая о богомольцах «Очаг веры во тьме современности»: «В то время в народе появились люди и группы людей, которых прозвали богомольцами. Они не хотели знать ничего, кроме Бога и своей души, и выдвигали принцип: Начни с себя! Они читали Священное Писание, пели духовные песнопения, собирались на молитвы, совершали паломничества по монастырям, исповедовались и каялись в грехах, постились и причащались, рассказывали о чудесах Божиих в своей жизни. Так они разжигали фитиль веры в своих душах. Их презирали, высмеивали, гнали, арестовывали, мучили (в предвоенной Сербии), но они не обращали внимания на все это. Их называли безумными. Называли так и меня, говоря: «Неужели этот Николай так долго прожил в просвещенной Англии для того, чтобы сейчас дружить с этими безумцами?» Они не знали, что именно Англия укрепила меня в богомольстве. А когда меня называли безумцем, я радовался. Дай мне Бог, чтобы это народное безумие никогда не ослабело во мне до конца моей жизни». Николай (Велимирович) был прославлен Сербской Православной Церковью в мае 2003 года (его память празднуется 5/18 марта, в день его кончины, и 20 апреля

/ 3 мая, в день перенесения мощей из Америки в Сербию. Но в сознании сербов епископ Николай был святым еще при жизни. Первым, кто обратился к нему как к святому и молился как святому, был выдающийся сербский богослов и церковный деятель отец Иустин (Попович) (1894–1979), которого в 2010 году Сербская Православная Церковь тоже прославила в лике святых (память 25 марта / 7 апреля). Во время его обучения в Белградской семинарии из всех преподавателей самое сильное влияние оказал на него именно тогдашний иеромонах Николай (Велимирович), который относился к нему с отеческой любовью и пристально следил за его духовным становлением. На протяжении всей жизни их связывала крепкая духовная дружба. С момента смерти Владыки Николая и до конца своей жизни отец Иустин называл великого пастыря святым Владыкой Николаем. Он говорил так и в своей проповеди после панихиды по Владыке, совершаемой каждый год в день смерти Святителя в задушбине Лелич, и всегда, когда писал или рассказывал о нем.

В отличие от Сербии, в России под заметным влиянием Византии, в которой женское монашество еще с ранних времен христианства было очень развито, количество женских православных монастырей было очень велико. Это были святые места, где не только молились и совершали свой подвиг монахини, но и велась особая культурная и социальная деятельность. Поэтому, именно из-за того, что в Сербии в то время не существовало женских монастырей, многие девушки из Сербии уезжали в Россию, чтобы там вести духовную монашескую жизнь.

«После окончания Первой мировой войны на территории сегодняшней объединенной Сербской православной церкви был только один женский монастырь с десятью насельницами – это Беровский монастырь в Злетовско-Струмичской епархии. В 1924 году существовало четыре женских монастыря: Хопово, Кувейдин, Берово и

¹ Святитель Николай Сербский (Велимирович). Наука чудес. М.: Паломник, 2011. 400 с.

Св. Ильи – Мирковцы, а общая численность монахинь была 107 сестер. Перед началом Второй мировой войны 12 епархий Сербской православной церкви имели женские монастыри, точное число их было 27. В них было зарегистрировано 397 сестер. Согласно Статистическим сведениям епархий за 1969 год, Сербская церковь насчитывала 81 женский монастырь с 845 насельниками» [8, с. 23, 24].

Настоящей обновительницей сербского женского монашества была русская игуменья графского происхождения, матушка Екатерина. Поэтому сегодняшние сербские монашки должны ее упоминать как свою духовную мать. Но, к сожалению, не все сербы знают о ней.

В материалах для библиографического словаря «Писательницы России» составителя Ю.А. Горбунова (<http://book.uraic.ru/elib/authors/gorbunov>) мы нашли следующие заметки о матери Екатерине: «Ефимовская Евгения Борисовна, графиня (1850–1925), поэтесса. Родилась в Москве. Окончила университет. Была знакома с И.С. Тургеневым, В.С. Соловьевым, увлекалась трудами А.С. Хомякова. Ее стихи печатались в «Русском вестнике» М.Н. Каткова и «Руси» И.С. Аксакова. В Москве открыла школу для бедных девушек. В 1884 создала православное сестричество в бывшем католическом монастыре польского с. Лесна (Седлецкой губернии). При монастыре открывались детские дома, церковно-учительские школы, с\х курсы, больница, богадельня. Женское монашество Западного края России оказалось под духовным руководством игуменьи Екатерины, принявшей постриг в 1908. В революционные годы Леснинская обитель обосновалась во фрушкогорском монастыре Хопово близ Нового Сада в Сербии. Почетная игуменья скончалась в 1925» [2, с. 33; 39].

А в другом источнике о ней написано следующее: «В молодости она увлекалась народническими и либеральными течениями, вращаясь в передовых интеллигентских кругах, переписывалась и спорила с В. Соловьевым, с философски образован-

ным иеромонахом Михаилом Грибановским, инспектором Петербургской Академии (впоследствии епископ Таврический); была хорошо осведомлена в вопросах философии, богословия – вообще была очень образованная женщина. Она довольно долго жила за границей и больше других стран полюбила Англию. Не раз с увлечением рассказывала она мне об английском духовенстве, о быте епископов, чистоте их общественных и семейных нравов. Вскоре по возвращении в Россию она пережила глубокий душевный переворот – и приняла монашество, оставаясь, однако, верной своей горячей любви к народу. “Я стала монахиней скорее из любви к народу, чем к Богу”» [7, с. 28].

Первоначальное образование графиня получила от англичанки, которая проживала в доме Ефимовских, а потом училась у профессоров Московского университета, в котором Евгения Борисовна в 1869 году сдала экзамен для получения университетского диплома по русскому языку и литературе. Она писала стихи и повести для литературных журналов, а вскоре стала изучать и святоотеческие труды и писать на богословские темы церковно-религиозные публикации. За свою жизнь игуменья Екатерина создала несколько работ, из которых наиболее известна была «О диакониссах первых веков христианства». Этот труд впервые опубликован в журнале «Христианин» в 1908 и 1909 годах.

В 1870-е годы ее мать уехала к больному отцу в провинцию, где он служил, а она осталась в Москве с младшей сестрой и работала учительницей французского языка в Николаевском институте. После смерти отца Екатерина открыла собственную школу-пансион, где в 1877 году сильно обожгла ногу и была вынуждена закрыть этот пансион. Долго болела, а потом переехала в деревню, в которой обнаружила огромную пропасть между простым народом и интеллигенцией в России.

Евгения Борисовна оттуда уезжает в Европу, сначала во Францию, где посещает Ивана Сергеевича Тургенева, а потом – в Англию. После возвращения в Россию в

1880-е годы, она служит в Екатерининском Институте в Петербурге, работает в женском епархиальном училище при Велико-Будищском монастыре в Полтавской губернии, заведует приютом Анны Федоровны Аксаковой (урожд. Тютчевой) и преподает в православной школе Сергея Александровича Рачинского (1833-1902). Таким образом, еще до принятия монашеских обетов, она успевает приобрести опыт скромного и смиренного служения в школе Рачинского. «Несмотря на то, что школы Рачинского достигли блестящих результатов, многие педагоги конца XIX – начала XX века и современные ученые относили С.А. Рачинского к апологетам церковно-приходской школы. Его называли даже *махровым реакционером*» (см.: [13]). С.А. Рачинский усматривал основу духовности ребенка прежде всего в религии. В служителях церкви в условиях тогдашней деревни он видел наиболее подготовленных учителей и замечал, что народ сам признает духовенство своим учителем. А главная отличительная особенность сельской школы, по убеждению Рачинского, состояла в том, что она прежде всего учреждение воспитательное. До создания образцовой сельской школы Рачинский заведовал кафедрой физиологии растений в Московском университете. Выйдя в отставку в 1868, он в 1872 году поселился в своем имении Татево, где занялся православной педагогической и публицистической деятельностью и стал пропагандировать народное образование в церковном духе. В школе профессора Рачинского господствовали дух народной культуры и традиции. Его школу можно назвать школой «добрых нравов». Сейчас мы можем сказать, что школа Рачинского действительно была образцом для всех церковно-приходских школ, а опыт, полученный графиней Ефимовской в Татево, позже нашел широкое применение в ее леснинских школах.

Графиня Ефимовская очень хотела следовать примеру Рачинского и помогать бедным получить образование. Со многими учеными иерархами, теологами и литерату-

роведами того времени она состояла в переписке. Все ее очень уважали за ее ум и преклонялись перед ее красотой. После того как она в Татево обучилась методу преподавания, сама стала преподавать. Будучи вхожей в круг Аксаковых, она столкнулась с христианским укладом, что дало ей возможность понять монашество как деятельность, способную помочь ближним. Она в этот период попробовала свои силы в качестве приглашенной светской учительницы в Велико-Будищском монастыре на Полтавщине, а спустя некоторое время, по совету двух известных старцев – Преп. Амвросия Оптинского и Св. праведного Иоанна Кронштадтского – направилась в бывший униатский монастырь возле места Лесна, приняв в нем постриг с именем Екатерина. Об этом приведем воспоминания Митрополита Евлогия Георгиевского: «Варшавский архиепископ Леонтий предложил ей основать женскую обитель в Лесной. Прежде это был католический монастырь *паулинов*, но монахи скомпрометировали себя в польском восстании, и их удалили. Монастырь стоял пустой. Не решаясь взять на себя столь ответственное дело, матушка Екатерина отправилась к Оптинскому старцу Амвросию за советом и благословением; рассказала ему, что деятельность будущего монастыря представляется ей несколько в ином виде, чем обычно: широкая просветительная работа, культурное воздействие на население – школы, больницы, приюты... а на это новшество она самавольно не решается. – Новый монастырь, по-новому и устрой... – сказал старец, – а теперь я тебя поисповедаю. У матушки Екатерины не было с собой мантии, о. Амвросий надел на нее свою и стал исповедовать...» [7, с. 28].

Так духовный путь Евгении Борисовны Ефимовской начался в польской деревне Лесна Яновского уезда Седлецкой губернии, когда она становится настоятельницей созданной ею православной женской общины. Там, в небольшом прицерковном домике, начинает она обустривать будущую обитель. Этот край именовался «Холмской

Русью» и до прихода сестер был в запустении. Духовная жизнь не была развита, а жил там простой и непросвещенный народ. Многие жители были даже и не крещены. Предложение архиепископа Леонтия матушка Екатерина приняла по призванию, будучи внутренне хорошо подготовленной к монашескому служению, так как росла она в православной семье, где вопрос о смысле жизни был поставлен в соответствии с духом Евангелия. Св. прав. Иоанн Кронштадтский постоянно оказывал и духовную и финансовую помощь в становлении монастыря. А Амвросий Оптинский, опытный руководитель женским монашеским подвигом, составил для леснинских сестер келейное правило.

Несомненно, определенную роль во взглядах будущей матушки Екатерины сыграла и тогдашняя обстановка в России. Женский вопрос в общественной жизни стал активно обсуждаться в эпоху великих реформ второй половины XIX века, когда российское общество получило новые мощные дополнительные импульсы, связанные с обретением закрепощенными гражданами личной свободы, быстрым экономическим подъемом в сфере промышленности, что привело к вовлечению огромного людского потенциала (в том числе и женщин) в активную производственную и социально-политическую деятельность. Поэтому идея участия женщин в общественной жизни занимала людей различных политических взглядов, и графиня Ефимовская не была в этом исключением. Она очень хотела помочь всем нуждающимся в ее помощи. Жизнь монастыря игуменьи Екатерина видела связанной с просветительской и благотворительной деятельностью, школами, больницами, приютами.

В самом начале, в 1885 году, у нее было пять монахинь. Количество монахинь ко времени переворота, устроенного большевиками в России, достигло трехсот. В монастыре был дом для стариков, больница, школа и гимназия, школа для учителей. Таким образом игуменьи Екатерине удалось осуществить давнюю свою мечту – чтобы

тысячи девушек с помощью молитв к Господу получили еще и образование. В церковно-учительской школе готовились педагогические кадры, существовало высшее сельскохозяйственное училище. Материальной базой стало крепкое монастырское хозяйство: птицеферма и молочная ферма, паровая мельница, различные мастерские, разводилась рыба. Существовал даже собственный подъездной железнодорожный путь. Монастырь, в котором через 15 лет после основания было шесть храмов, среди них собор в честь Воздвижения Креста Господня, стал не только культурно-просветительным, но и духовным центром Холмщины. На Троицу и в день Воздвижения Креста Господня в обитель стекалось до 30 тысяч паломников. Современники об этом времени писали: «Леснинский монастырь находился недалеко от г. Белы Седлецкой губернии, в 5-6 часах езды от Холма. С течением времени он стал, действительно, тем культурно-просветительным центром, который матушка Екатерина задумала создать. Она основала приюты для сирот, школы для младшего, среднего и старшего возраста, высшее сельскохозяйственное женское училище, церковно-учительскую школу (церковно-учительскую семинарию). В школах ее обучалось до тысячи детей. Можно смело сказать, что весь народ холмский проходил через ее приюты и школы, вся сельская интеллигенция: учителя, учительницы, волостные писари, агрономы, псаломщики... – в большинстве были ее воспитанниками. Мало этого, она развела ботанический фармацевтический сад с лабораторией, которой заведовал специальный фармацевт; устроила паровую мельницу; отлично поставила рыбководство на леснинских прудах посредством сложной системы сообщения между ними. В Леснинском монастыре создалась какая-то особая культурная атмосфера. Характерными его чертами были: разумный, неослабный труд и духовное воодушевление. Душою обители несомненно надо признать матушку Екатерину. Это была святая душа. К себе строгая, подвижница-молит-

венница и постница, к другим снисходительная, всегда веселая, – она была общительна, любила пошутить, пофилософствовать, побогословствовать, имея для этого данные. Духовный подвиг несла сокровенно, заметая следы, и лишь приближенные сестры догадывались, что она по ночам подолгу молится...» [7, с. 28].

В Лесне матушку-настоятельницу и прибывших с ней сестер встретили местной чтимой Леснинской иконой Божией Матери, которая впоследствии стала символом и покровительницей будущей общины. Куда бы сестры ни переселялись, по Божиему промыслу икона следовала с ними.

Игуменья Екатерине удалось создать за тридцать лет в Лесне очень многое. В 1889 г. обитель была преобразована в общежительный монастырь, названный Свято-Богородичным во имя Леснинской иконы Божией Матери и к началу Первой мировой он стал одним из крупнейших в России.

Надо сказать, что в 1908 году, собираясь принять схиму, матушка Екатерина передала настоятельство своей помощнице, матери Нине (Косаковской), а детский приют – монахини Феодоре (княгине Львовою), будущей Игуменье Леснинского монастыря. Однако из-за последующей судьбы России и обители матушке Екатерине так и не удалось отойти от дел, и вместе с Игуменьей Ниной она понесла и в бегстве свое духовное водительство, пока не скончалась в югославской больнице в 1925 году.

Великое церковное культурно-просветительное значение Леснинского монастыря по достоинству оценивалось и в высших сферах. Царская семья бывала там неоднократно. Император и Императрица хорошо знали и ценили основательницу Леснинского монастыря игуменью Екатерину. Вот как описывает в своих мемуарах одно из посещений участник встречи царской семьи Митрополит Евлогий: «Епископ Герман как местный архиерей, опять вместо болящего старца, архиепископа Иеронима, и я как благочинный монастыря участвовали во встрече Высочайших Особ. Они

прослушали Божественную Литургию, подробно осмотрели все монастырские учреждения; скромно, по-монастырски, позавтракали. Непринужденная беседа продолжалась несколько часов. Несомненно, картина монастырской жизни в ее разнообразных проявлениях оставила глубокое и светлое впечатление у Высоких гостей. Могу об этом судить по тому, что гораздо позднее, когда по званию члена Государственной думы я со своими думскими коллегами представлялся Государю и Императрице, она, здороваясь со мной, сказала: "Вы помните наше посещение Леснинского монастыря? Не правда ли, какой там чудный детский мир"» [7, с. 30].

Из истории Леснинского монастыря: в обители к 1914-му году было принято на воспитание 700 детей, на праздники стекалось до 30 000 богомольцев, жило около 500 сестер. Обитель украшало благородство, уважение к человеческой личности и милосердие к ближним. С комплексом своих храмов и учреждений монастырь, действительно, как предрекал св. Иоанн Кронштадтский, стал подобен лавре. Матушка уделяла время занятию богословскими науками, вела переписку с выдающимися иерархами: архиепископом Леонтием, митрополитом Антонием Вадковским, епископом Антонием Храповицким. В целом она разделяла взгляд на женское монашество о. Иоанна Кронштадтского: побольше дела, поменьше самолюбия. Помимо детских школ (церковно-учительной, ремесленной и сельскохозяйственной) при монастыре были созданы ясли – явление непривычное в те годы, новое для России. Действовали и больница, имевшая собственную операционную, и принимавшая до нескольких тысяч пациентов в год, и небольшая богадельня для одиноких стариков. Монахини сами сеяли лекарственные травы и изготавливали лечебные препараты, которые раздавались бесплатно больным. В разные стороны протянулись из Лесны устроенные по ее образцу духовные центры. В Петербурге, Холме, Варшаве и Ялте

у монастыря были свои подворья. За тридцать лет Лесна стала одним из главных православных центров в западных землях.

Даже начало Первой мировой войны не нарушило внутренней связи этой христианской семьи. Но начинало сбываться другое предсказание отца Иоанна, указавшего, что придется обители покинуть свое место. В 1915 году русские войска отошли за реку Буг, и монастырю тоже пришлось эвакуироваться вглубь Российской империи. Все сестры и более 600 учащихя были эвакуированы в разные концы страны, продолжая молиться друг за друга. В это время все монастыри из западных губерний эвакуировались в глубь России. Большая часть сестер, вместе со своей святыней, чудотворной иконой, переехала в Петроград. И это событие было предвидено св. Иоанном Кронштадтским: в Иоанниковском монастыре, который он построил в начале XX века, была сделана, к всеобщему тогда удивлению, пристройка для сестер Леснинского монастыря.

В августе 1917-го леснинские сестры, нашедшие приют в столице, по приглашению епископа Холмского Анастасия переехали в Кишиневскую епархию; там их и застала весть об октябрьских событиях в Петрограде. Около четырех лет провели они на Днестре, и в 1920-м были вынуждены просить убежища у сербского короля Александра, поскольку румынские власти требовали, чтобы сестринство имело румынское гражданство, а местная церковная администрация настаивала, чтобы службы совершались на румынском языке. Патриарх Сербский Димитрий сердечно принял их, и, пробыв некоторое время в Белграде, леснянки перебрались в Хопово, где прожили целых двадцать лет. Монастырь Хопово находится вблизи города Сремски Карловцы, где в 1920—1930-е годы располагалась и резиденция Архиерейского Синода Русской Православной Церкви За границей. После гражданской войны в России было много беженцев, которые прибывали в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев тремя волнами иммиграции на протяжении 1919-1920 гг. Сибиневич (см.:

[14, с. 5]) указывает, что общее количество беженцев было 45 000, а Арсеньев (см.: [1, с. 72]) приводит данные о 50 000 русских беженцев. «Великий сербский подвижник и духовный писатель, ставший впоследствии святым, считал эту волну эмиграции *апокалипсисом наших времен*» [9, с. 209]. (Речь идет об уже упоминавшемся Иустине Поповиче.)

Для истории Сербской Церкви было значимым, что благодаря русским сестрам пополнились женские обители, стало обновляться и укрепляться женское монашество. Можно сказать, что маточником для этого процесса стал монастырь Ново-Хопово, где поселилось сестринство Свято-Богородичной Леснинской обители из бывшей Холмско-Варшавской епархии. Их, по данным исследователей, было 80 (см.: [6, с. 30]) и они представляли наглядный пример сочетания образованности и преданной духовности, благородного упорства и жертвенного христовлюбия. В другом источнике написано, что из монастыря Жупка в Бессарабии 60 сестер Леснинского монастыря приехало в Сербию (см.: [11, с. 333, 334]). Первым делом сестер в новом поселении было открытие дома сирот для сербских и русских детей. В Хопово сестры сохранили традицию призрения и православного воспитания сирот, введенную Матушкой Екатериной в самые первые дни существования обители в 1884 году. На чужбине эта традиция стала особенно важной – в Хоповском приюте жили русские дети, потерявшие родителей или брошенные на произвол судьбы. За 20 лет существования приюта в нем было воспитано более 500 детей.

Сербки, которые хотели быть монашескими, стали приходиться и принимать постриг. В Сербию леснинские сестры принесли и свою Леснинскую икону Божьей Матери, рядом с которой в России по народному преданию произошло пятьсот чудес. После прибытия на Фрушку-Гору, леснинские сестры продолжили соблюдать свой общежительный типик, практиковать богослужебные правила без изменений, расширять в сербской среде свое церковное

пение, развивать просветительско-миссионерское начало. Для такого просветительского начала в Сербии была плодотворная почва. В Сербии образование монахов регулировалось правилами св. Василия, которые предусматривали, что монахи должны подучивать послушников и переписывать рукописи. Необразованные должны были выучить наизусть псалтырь. Послушники должны были читать труды святых отцов и жития святых (см.: [19, с. 443, 444]).

В изучении истории образования и школ у сербов роль монастырей рассматривается неоднозначно. С одной стороны, существует мнение, что просветительская работа исключительно связана с монастырями, а с другой стороны, есть отрицание роли монастыря в просветительской деятельности. Монастыри в Сербии, так же, как и в Византии, в какой-нибудь постройке, относящейся к монастырю, имели и детские приюты (см.: [17, с. 22]). Еще при турецкой власти монастыри стали важной опорой для письменности и просвещения. «В монастырь уходили учиться не только из-за того, что в нем есть школа, а и из-за того, что в нем есть хорошие учителя или магистры» [4, с. 62]. В исследовании о жизнедеятельности тогдашнего сербского патриарха Дмитрия задокументировано, что в Пиротском округе, будучи еще епископом, он удостоверился в большой любви местного населения к школе и образованию: «В любой более-менее большой деревне воздвигнуты строения, в основном рядом с церковью, которые предназначены для школы. Но все здания пусты, так как нет учителей. Так как эти края находятся на границе, учителя избегают их. Из-за этого многие школы закрыты, а дети прекратили обучаться после первого или второго класса. Поэтому местное население просило помощи у епископа, чтобы он помог, и чтобы их школы продолжили осуществлять свою просветительскую деятельность» [15, с. 86].

Опыт создания новых монастырей по образцу Леснинского был широко использован в Сербии, и усилиями русских мо-

нахинь из Хопово в Сербии возникло большое количество новых обителей, что привело к восстановлению сербского женского монашества, уничтоженного во времена Оттоманской империи. Русские монахини пополняли запустевшие сербские православные обители, восстанавливали или обновляли там здания, особенно в период 1921—1930 годов. Так было в шумадийском монастыре Волявча, Пречистенском монастыре возле Кичева. В обители Пресвятой Пречистой Богородицы в Дивляне соборное подвижничество передавала своим сестрам игуменья Диодора (Дохторова). Здоровье матушки Екатерины в то время было серьезно подорвано: в годы Первой мировой ей ампутировали ногу, но она продолжала молиться. Спустя несколько лет монастырь Хопово, как когда-то Лесна, стал центром распространения православия не только для Королевства Сербов и Хорватов, но и для русской диаспоры, оказавшейся в Европе. Воспитанницами Хопово было основано или заселено 30 обителей. Двадцать леснинских сестер из Хопово переселились в 1923 году в монастырь Кувеждин и обновили его.

Вопрос развития женского монашества в Сербской Церкви не до конца освещен в сербской периодике и в исследованиях. Митрополит Амфилохий Радович опубликовал исследование, в котором он проанализировал многие аспекты, повлиявшие на женское монашество на протяжении веков (см.: [12, с. 20-23]). В Кувеждине сербские монахини вместе с Игуменьяй Меланией (Кривокучин), дочерью священника и вдовой священника из Срема, принявшей постриг в Хопово, сыграли ключевую роль в обновлении и расширении сербского монашества в рамках Сербской православной церкви, развитие которой было прекращено тяжелыми историческими событиями на протяжении пяти веков Оттоманской империи на Балканах. Так и стали возрождаться монастыри на Фрушской Горе, считаеваемой сегодня одним из сербских Афонов.

Нельзя не отметить и тот факт, что русское монашество того периода оставило

огромный след в трудах знаменитых сербских духовников: Николая Велимировича, Иустина Поповича и Фадея Витовницкого (Томислава Штрбуловича). Иустин Попович был удивлен духовным величием матушки Екатерины, которая обновила монашескую жизнь в Хопово и Кувеждине и написал отдельную статью под названием «О ней – необычной русской среди нас обычных людей» [10, с. 543-547].

Сербский патриарх Дмитрий и Священный Синод 16 октября 1923 году переделали монастырь Кувеждин в женский монастырь. Монахини растили сирот, а с 1929 года сестры из Кувеждина управляли Детским домом, детским садом и «Трапезой для бедняков» церковной общины в Сараево. В соответствии с данными шематизма за 1924 год [см.: 18] в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев существовали женские монастыри: Хопово, Кувеждин, Беровский монастырь, монастырь Св. Ильи в Мирковцах, Брчeosкий монастырь возле Вир Пазара в Черногории. Уже «перед Второй мировой войной согласно церковному календарю за 1941 год в рамках Сербской православной церкви насчитывалось 27 женских монастырей с 286 монахинями и 111 послушницами, а Статистический епархиальный обзор за 1969 год насчитывает 81 женский монастырь с 658 монахинями и 187 послушницами» [5, с. 24].

Так благодаря русским сестрам Хопово и Кувеждина открылись и другие женские монастыри сегодняшней Сербии, а «русские монахини и монастыри Хопово и Кувеждин сыграли значительную роль в обновлении женского монашества объединенной Сербской православной церкви после Первой мировой войны» [3, с. 444]. В качестве другого доказательства приведем следующие данные (см.: [15, с. 554, 555]): первый женский монастырь в Нишской епархии основан в 1925 году, когда епископ Досифей принял постриг у русской Диодоры, бывшей послушницы монастыря Хопово. С 1925 по 1941 год в Нишской епархии основано 6 женских монастырей с 45 монахинями и 57 послушницами. Вла-

дыка Николай в то время, когда был епископом Охридско-Битольским, основал Хопово (игуменья Нина и 50 монахинь), Кувеждин (игуменья Мелания, 6 монахинь и 20 послушниц), Беровский монастырь, епархия Злетовско-Струмичская (игуменья Параскева, 11 монахинь и 14 послушниц), монастырь Св. Ильи в Мирковцах, епархия Скопская (игуменья Полексия, 1 монахиня и 1 послушница), Брчeosкий монастырь возле Вир Пазара в Черногории (1 монахиня), Дивлянский (игуменья Диодора), Темска (монахиня Мелитина), Покров Пресвятой Богородицы – Мрзеница (монахиня Теофилия), Св. Стефан Липовачский (монахиня Параскева) и Св. Петки возле Ниша (монахиня Параскева) и несколько женских монастырей в сегодняшней Македонии. Епископ Шабачский Михаил в 1928 году основал монастырь Челие с настоятельницей монахиней Аполлинарией (позже игуменья Елена Йокич), воспитанницей монастырей Хопово и Кувеждин, которая до этого была настоятельницей монастыря Поганово в епархии Нишской. В 1930 году открыт в епархии Шабачской монастырь Петковица с русской Игуменьею Сидонией, которая была в сестринстве монастыря Хопово. В сестринстве Петковицы было 12 сербок и 22 русские сестры.

Среди монахинь русского происхождения в сербской среде стоит упомянуть и Игуменью Михаилу из монастыря Лешак епархии Скопской; Игуменью Ангелину (Грачеву) из монастыря Введения Пресвятой Богородицы в Белграде (отошла к Господу в 1971 году); Игуменью Мелитину из монастыря Темска (Нишская епархия), духовную дочь Игуменьи Диодоры. Близка к ним была и вышедшая замуж за русского эмигранта игуменья Петрония (Шпаковская, в девичестве Савич), которая впоследствии стала игуменьею монастыря св. Мелании Римлянки в Петровграде (ныне Зренянина), и чьи нетленные мощи обреты в 2006 году (Банатская епархия). Также стоит упомянуть и их духовных дочерей сербского происхождения, которые позже стали игуменьями и продолжали распространять

в сербском народе тот тип духовности, который они унаследовали от своих русских наставниц: Ефимию (Мичич), настоятельницу монастыря Ковиль (Бачская епархия) и Раваницы (Браничевская епархия); Игуменью Михаилу из Благовещенского монастыря (Шумадийская епархия), воспитанницу Диодору; игуменью Евпраксию монастыря Каленич (Шумадийская епархия), воспитанницу Кувеждина; игуменью Аполлинарию из Крушедола (Сремская епархия), также воспитанницу Кувеждина; игуменью Девору из монастыря Суводол в Тимочской епархии из кувеждинского сестринства и многих других.

Земное служение игуменьи Екатерины закончилось 15/28 октября 1925 года, она почилла о Господе в окружении своих близких сестер, которых ожидали впереди многие испытания: мировая война, притеснения со стороны хорватских «кусташей» (Хоповский монастырь был сожжен во время войны), изгнание, опасности на пути в Европу, пока они окончательно не обрели приют во Франции. А сама игуменья Екатерина похоронена с южной стороны монастырской церкви Хопово, и ее место захоронения является теперь местом паломничества и сербов, и русских. В настоящее время Леснинский Свято-Богородицкий женский монастырь находится в Превемоне (Нормандия) и является одним из центров русского женского монашества во всем мире. Там обитель расположена с 1968 года. Монастырь, основанный по благословению святых Амвросия Оптинского и Иоанна Кронштадтского, связанный с именами святителей Иоанна Шанхайского и Филарета Нью-Йоркского, в котором сейчас хранится чудотворная икона Божией Матери, продолжает привлекать множество паломников со всех стран.

В истории всей православной церкви и сербского народа останется поистине огромный подвиг игуменьи Екатерины по созданию монастырей в Сербии, которые

отличались от других русских женских монастырей послепетровской эпохи широкой миссионерской и просветительской деятельностью. Об этом подвиге и влиянии русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь Сербии защищена в России диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия в 2010 году².

Каждый истинно православный человек уверен в том, что создание, укрепление и сохранение монастыря во всех испытаниях, революциях, мировых войнах и скитаниях по разным странам сделалось возможным только по молитвенной помощи его первой игуменьи. Сестры Леснинской обители не приняли курс Русской Зарубежной Церкви на соединение с Московской патриархией и вошли в Русскую истинную церковь, но это совсем другая история, требующая отдельного исследования.

Время проходит, и среди нас уже нет людей того поколения первых леснинских сестер, но неизменным остался дух отношения к ближним и память о том, что фундаментом основания Леснинской обители была заповедь: «кто из вас больше, будь как меньший, и начальствующий – как служащий».

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: author has no conflict of interests to declare.

Литература

1. Арсеньев, А. Руска интеллигенција у Војводини. Културни, просветни и привредни оквири делатности, Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова. Том 1. Београд, 1994.
2. Арсеньев, А.Б. У излучини Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / Под ред. В.Б. Кудрявцева. М.: Русский путь, 1999. 253 с.

² Иеромонах Дамаскин (Грабеж). Влияние русского монашества первой эмиграционной волны на духовную жизнь в Сербии 20-30 годов XX века. Автореферат дис. ... канд. богословия. Сергиев Посад, 2010. 15 с. [Электронный ресурс] URL: http://www.bogoslov.ru/data/2010/06/02/1234860554/Avtoreferat_Damaskina.pdf

3. Гатало, А. и Јеремић, Ј. Света српска гора, Монаштво // Фрушка Гора. Београд, 2007.

4. Кашић, Д. Школе и учитељи // Историја школе и образовања код Срба. Београд, 1974.

5. Кончаревић, К. Рускао монаштво у егзилу // Православље. 2007. № 978. С. 22-25.

6. Кончаревић, К. Утицај руске миграције на обнову и развој српске монашке духовности // Српска теологија у двадесетом веку: истраживачки проблеми и резултати. Књ. 7. Београд: Институт за теолошка истраживања, 2010. С. 36-47.

7. Манухина, Т.Н. Георгиевский Митрополит Евлогий. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевского). Париж: YMCA-PRESS, 1947. 679 с.

8. Мрђеновић, Д. Прва српска игуманија после средњег века / монахиња Теодора (Васић). Белград: Издательство Скенер студио, 2016. 112 с.

9. Поповић, Ј. Из апокалипсиса наших дана // Хришћански живот. 1927. VI. № 10-12. С. 209-243.

10. Поповић, Ј. О њој – необичној Рускињи међу нама обичнима // Хришћански живот. 1925. IV. № 12. С. 543-547.

11. Радовић, А., Војиновић, Х. Обнова и развој женског монаштва // Годишњак Српске Православне Цркве 1920-1970: Споменница о 50-годишњици васпостављања српске патријаршије. 1971. С. 333-343.

12. Радовић, Р. Историја српског женског монаштва. Београд: Гласник СПЦ, 1963. С. 20-27.

13. Семёнов, В.И. Идеи С.А. Рачинского как основа создания гуманистических воспитательных систем сельских школ // Гуманистические воспитательные системы вчера и сегодня (в описаниях их авторов и исследователей) / ред.-сост. Е.И. Соколова; под общ. ред. д-ра пед. наук Н.Л. Селивановой. М.: Пед. об-во России, 1998. 336 с.

14. Сибиновић, М. Руска емиграција у српској култури XX века – значај, оквири и перспективе проучавања // Руска емиграција у српској култури XX века: зборник радова, Том 1. Београд, 1994.

15. Средојевић, А. Патријарх српски Димитрије Павловић (1920-1930): Докторска

дисертација. Београд: Филозофски факултет, 2013. 726 с.

16. Суботић, Д. Епископ Николај и православни богомољачки покрет. Београд: Нова Искра, 1996.

17. Ћирковић, С. Учители и училишта, Историја школе и образовања код Срба. Београд: Историјски музеј Србије, 1974.

18. Шематизам источно православне српске патријаршије по подацима из 1924 године. Сремски Карловци: Издање Св. архиепископског синода, 1925.

19. Breje, L. Vizantijska civilizacija. Beograd: Nolit, Biblioteka Književnost i civilizacija, 1976. 550 с.

References

1. Arsenyev, A. (1994), "Russian intelligentsia in Voevodina. Cultural, educational and economical range of activity", *Ruska emigracija u srbskoj kulturi XX veka: zbornik radova* [Russian emigration in Serbian culture of the XX century: collected articles], Vol. 1, Belgrade, Serbia (In Serb.).

2. Arsenyev, A. (1999), *U izluchiny Dunaya: Ocherki zhizni i deyatel'nosti russkih v Novom Sade* [At the Danube Bend: Essays on Life and Activities of Russians in the city of NoviSad], in Kudryavcev, V.B. (ed), *Russkiy put'*, Moscow, Russia (In Russ.).

3. Gatalo, A. and Yeremich, J. (2007), "Holy Serbian mount, Monasticism", *Frushka Gora* [Frushka Mountain], Belgrade, Serbia (In Serb.).

4. Kashich, D. (1974), "Schools and teachers", *Istoriya shkole i obrazovanya u Srbiji* [History of school and education in Serbia], Belgrade, Serbia (In Serb.).

5. Koncharevich, K. (2007), *Rusko monashtvo u egzilu* [Russian monasticism in exile], *Pravoslavlye* (978), 22-25. (In Serb.)

6. Koncharevich, K. (2010), "The effect of Russian migration on restoration and development of Serbian spiritual monasticism", *Srpska teologiya u dvadesiatom veku: istrazhivachki problem I rezultaty* [Proceedings of Serbian theology in the twentieth century: research problems and results], Book 7, Institute of theological research, Belgrade, Serbia, 36-47 (In Serb.).

7. Manukhina, T.N. (1947), *Georgiyevskiy Mitropolit Yevlogiy. Put' moey zhizny. Vospominaniya Mitropolita Yevlogiya*

(*Georgiyevskovo*) [Metropolitan Yevlogiy of Georgiyevsk. The road of my life. The memories of Metropolitan Yevlogiy (of Georgiyevsk)], YMCA-PRESS, Paris, France (In Russ.).

8. Mrdzenovich, D. (2016), *Prva srpska igumaniya posle srednyeg veka / monahinya Teodora Vasich* [The first Serbian hegumania after the middle ages / nun Theodora Vasich], Skener studio, Belgrade, Serbia (In Serb.).

9. Popovich, Y. (1927), “From the Apocalypsis of our days”, *Hrisyanski zivot* [Christian Life], 6 (10-12), 209-243 (In Serb.).

10. Popovich, Y. (1925), “About an extraordinary Russian woman among us”, *Hristyanski zivot* [Christian Life], 6 (12), 543-547 (In Serb.).

11. Radovich, A. and Voyinovich, H. (1971), “Restoration and development of female monasticism”, *The yearbook of Serbian Ortodox Church 1920-1970: memorial on 50th anniversary of restoration of Serbian patriarchy*, 333-343 (In Serb.).

12. Radovich, R. (1963), *Istoriya srpskog zhenskog monashtva* [History of Serbian female monasticism], Glasnik SOC, Belgrade, Serbia (In Serb.).

13. Semenov, V.I. (1998), “Ideas of Rachinsky S.A. as a basis for establishment of a humanistic educational system of village schools”, *Gumanisticheskie vospitatel'nye systemy vchera I segodnya (v opisaniyah ih avtorov i issledovateley)* [The humanistic educational system of past and present], in Sokolova, E.I. and Selivanova, N.L. (Ed.), Pedagogical society of Russia, Moscow, Russia (In Russ.).

14. Sibirinovich, M. (1994), “Russian emigration in Serbian culture of the XX century – significance, range and prospects of research”, *Ruska emigraciya u srpskoj kulturi XX veka* [Russian emigration in Serbian culture of the XX century], Vol. I (In Serb.).

15. Sredoyevich, A. (2013), *Patriyarth srpski Dimitriye Pavlovich (1920-1930)* [Serbian patriarch Dimitri Pavlovich (1920-1930)], PhD thesis, Faculty of Philosophy, Belgrade, Serbia (In Serb.).

16. Subotich, D. (1996), *Episcop Nikolay I pravoslavny bogomol'achki pokret* [Bishop Nikolay and the Ortodox worshipping association], Nova Iskra, Belgrade, Serbia (In Serb.).

17. Chirkovich, S. (1974), *Uchitel'i i uchilishta. Istoriya shkole i obrazovanya kod Srba* [Teacher and schools. History of school and education in Serbia], The Historical Museum of Serbia, Belgrade, Serbia (In Serb.).

18. *Shematizam istochno pravoslavne sprske patriyarshiye po podacima iz 1924. godine* [Organization of eastern Ortodox Serbian patriarchy, according to data from 1924] 1925, Publication of the Holy Synod, Sremski Karlovci, Serbia (In Serb.).

19. Breje, L. (1976), *Vizantiyska civilizatsiya* [Byzantine civilization], Nolit, Library of literature and civilization, Belgrade, Serbia (In Serb.).

ОБ АВТОРЕ:

Маркович Деян Слободанович, доктор филологических наук, профессор, кафедра русского языка и литературы, Философский факультет, Нишский государственный университет, ул. Кирилла и Мефодия, д. 2, г. Ниш, 18000, Ресублика Сербия; dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs

ABOUT THE AUTHOR:

Dejan S. Markovich, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language and Literature, Faculty of Philosophy, University of Nis, 2 Cyril and Methodious st., Nis, 18000, Serbia; dejan.markovic@filfak.ni.ac.rs